

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шульга П. И., Хоппаль К., Кузнецова М. Е.* Тагарские удила из коллекции графа Зичи (Венгрия).....7
- Байтлеу Д. А., Шагирбаев М. С.* Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане21
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сянбийского времени (по материалам комплекса Карбан-1)32
- Папин Д. В.* Особенности погребальной практики населения лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу.....46

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Малькова В. К.* О России и россиянах: некоторые ресурсы отечественного интернета56
- Рыблова М. А.* Сакральные докусы и их почитание в традиции донских казаков70
- Содномпилова М. М.* Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко.....83

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Шульга Д. П.* О «крассовой гипотезе» и эллинских мифологических сюжетах в Китае и Монголии.....96
- Волоснов Р. Ю.* Факты наличия религиозных групп с признаками мистического сектанства в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. по материалам официальных епархиальных изданий 108
- Юрганова И. И.* Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.) 118
- Недзельюк Т. Г.* Государственно-конфессиональная политика временных сибирских правительств (1917–1919 гг.)..... 131
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.* Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. 140

ДЛЯ АВТОРОВ154

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga P. I., Hoppal K., Kuznetsova M. E.</i> Tagar bits from count zichi collection (hungary).....	7
<i>Baitleu D. A., Shagirbayev M. S.</i> Results of paleozoological analysis of osteological material from bronze age settlements the Balkan in Central Kazakhstan.....	21
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.</i> General and special characteristics of children's funeral rites of the northern altai population in the xianbei period (on the materials of the Karban-I complex).....	32
<i>Papin D. V.</i> Features of the burial practice of the population of the forest-steppe Altai in the transitional period from bronze to iron.....	46

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Malkova V. K.</i> About Russia and the russians: some recourses of domestic internet.....	56
<i>Ryblova M. A.</i> Sacred locuses and their worship in the tradition of the don Cossacks.....	70
<i>Sodnompilova M. M.</i> Human body fluids in the context of social interpretations: sacred mother's milk.....	83

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Shulga D. P.</i> About the "crassus hypothesis" and the hellenic mythological subjects in China and Mongolia.....	96
<i>Volosnov R. U.</i> Facts of the presence of religious groups with signs of mystical sectarianism in the Altai countryside in the late XIX — early XX centuries based.....	108
<i>Yurganova I. I.</i> Cultural transfer of orthodoxy to the outskirts of the empire: the newsraper "Yakut diocesan vedomosti" (1887–1917) (on materials of official diocesan publications).....	118
<i>Nedzelyuk T. G.</i> State-confessional policy of the provisional siberian governments (1917–1919).....	131
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the confessional policy of Russia in 1992–2000.....	140

FOR AUTHORS	154
--------------------------	-----

УДК 394.393

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-06

М. А. Рыблова*Южный научный центр РАН, Волгоградский государственный университет,
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград, (Россия)*

САКРАЛЬНЫЕ ЛОКУСЫ И ИХ ПОЧИТАНИЕ В ТРАДИЦИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В статье на основе материалов периодической печати XIX в. реконструируется система сакральных локусов в традиции ранних казачьих сообществ на Дону, выявляется ее специфика. Показана непосредственная связь этой системы с воинским укладом жизни казаков и принципами казачьего братства. Так, в качестве главного сакрального локуса казаками почитался «круг» (центральная часть городка, на котором проходили общие собрания казаков-воинов), который был главным символом казачьей вольницы и равенства всех ее членов, а также расположенная на нем «станичная изба». К периферийным святым местам относились курганы с захоронениями воинов, одиноко стоящие деревья и водные источники, братские могилы, а также места расположения старых городков, на которых устраивались поминальные тризны. Культ воинов-предков лежал в основе почитания всех святых мест на Дону в ранний период казачьей истории, в том числе и христианских. При этом святые места ассоциировались здесь не только с предками, но и с воинской славой и христианскими святыми — покровителями воинов, а потому непременно включались впоследствии в структуру важнейших праздников календарного года. Естественные (природные) и искусственные (созданные человеком) святые места воспринимались носителями традиции как своеобразные «швы», выходы в «тот свет». Система сакральных локусов выстраивалась не только по горизонтали, но и по вертикали, в результате чего налаживалась тесная (а главное — регламентированная) связь между живущими и умершими/погибшими, представителями этого и того миров, в целом — духовная связь казачьих общин с сакральным миром. В тот период развития казачества, когда оно стало сословием в рамках сословной системы Российской империи, значительно расширилась и система почитаемых «святых мест». Наряду с прежними стали почитаться и другие (кладбища, церкви, колодцы и источники). Кроме того, прежние святыни нашли свое место в расширившейся казачьей обрядности, а также включили в себя женские почитаемые места.

Ключевые слова: сакральные локусы в традиции донских казаков, святые места центра и периферии, казачий круг, почитание курганов, деревьев, старых городков и могил предков.

Цитирование статьи:

Рыблова М. А. Сакральные локусы и их почитание в традиции донских казаков // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 70–82. DOI: 10.14258/nreur(2021)4-06

M. A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, (Russia)

SACRED LOCUSES AND THEIR WORSHIP IN THE TRADITION OF THE DON COSSACKS

The article (based on materials from periodicals of the 19th century) reconstructs the system of sacred loci in the tradition of the early Cossack communities on the Don and reveals its specificity.

The direct connection of this system with the military way of life of the Cossacks and the principles of the Cossack brotherhood is shown. As the main sacred locus, the Cossacks revered the “circle” (the central part of the town, where general meetings of Cossack warriors were held). He was the main symbol of the Cossack community and the equality of all its members. The peripheral holy places included burial mounds, lonely trees and water sources, mass graves, as well as the locations of old towns where funeral feasts were held. The cult of warriors-ancestors formed the basis of the veneration of all the holy places on the Don in the early period of Cossack history, including those associated with the Christian tradition. At the same time, holy places were associated here not only with ancestors, but also with military glory and Christian patron saints of warriors and were subsequently included in the structure of the most important holidays of the calendar year. Natural and artificial (man-made) sacred places were perceived by the bearers of the tradition as a kind of “seams”, exits to the “other world”. The system of sacred loci was lined up not only horizontally, but also vertically, as a result of which a close (and most importantly, regulated) connection was established between the living and the dead, in general, the spiritual connection of the Cossack communities with the sacred world. During that period of development of the Cossacks, when it became an estate within the class system of the Russian Empire, the system of revered “holy places” also expanded significantly. Along with the former, others began to be worshiped (cemeteries, churches, wells and springs). In addition, the former shrines found their place in the expanded Cossack rituals, and also included female revered places.

Keywords: sacral loci in the tradition of the Don Cossacks, sacred places of the center and periphery, Cossack circle, veneration of burial mounds, trees, old towns and graves of ancestors.

For citation:

Ryblova M. A. Sacred locuses and their worship in the tradition of the Don Cossacks.

Nations and religions of Eurasia. 2021. T. 26, № 4. P. 70–82. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–06

Рыблова Марина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры, специалист Волгоградского областного центра казачьей культуры. Волгоград (Россия). Адрес для контактов: ryblova@mail.ru.

Ryblova Marina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Volgograd State Institute of Arts and Culture, specialist at the Volgograd Regional Center for Cossack Culture. Volgograd (Russia). Contact address: ryblova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>.

Введение

Одной из первых систему сакральных локусов в пространстве русских поселений, именуемую также институтом сельских святынь, начала изучать Т. Б. Щепанская на примере Русского Севера. Исследовательница назвала эту систему «кризисной сетью» и высказала мысль о том, что она работала на преодоление трудностей обживания нового пространства, способствовала его «стягиванию» и настоящему духовно-му освоению [Щепанская, 1995: 112]. Продолживший эту тему А. А. Панченко считал, что главной функцией культа деревенских святынь было обеспечение контакта общины с сакральным миром, и область этих контактов отнюдь не ограничивалась кризисными ситуациями, а являлась важной частью повседневного обихода [Панченко, 1998: 256–260]. Соглашаясь с последним суждением, отмечу, что до сих пор именно Русский Север и Северо-Запад были основной территорией изучения культа деревенских святынь [Мороз, 2009; Иванова, Калуцков, Фадеева, 2009; Платонов, 2011; Виноградов, 2019], во-первых, относящихся к крестьянскому миру, во-вторых, связанному в большей степени (в части их почитания) с женщинами.

Что касается традиции донских казаков, у которых практически во всех общинных обрядах доминировали мужчины, то некоторые особенности их системы «святых мест» (относящиеся в основном к XIX в.) я впервые представила в книге «Традиционные поселения и жилища донских казаков» [Рыблова, 2002: 75–86]. В этой статье я попытаюсь расширить данные ранее характеристики и представить эту систему в эволюции: проследить, как она изменялась по мере трансформации и эволюции культурной модели казаков и изменения условий их жизни. В дореволюционное время выделяются два этапа в социокультурном развитии донского казачества: период вольных мужских братств (военизированных сообществ) и период сословности (когда казаки перешли к оседлому образу жизни, стали военно-служивым сословием Российской империи, сочетая воинский статус со статусом земледельцев) [Рыблова, 2010]. Представляется важным выявить особенности формирования системы сакральных локусов и их почитания в рамках обоих периодов.

Эта задача будет решаться на основе анализа публикаций в донской периодической печати XIX в., авторы которых использовали материалы станичных архивов и воспоминания донских старожил, а также полевых материалов, собранных автором в экспедициях в местах исторического проживания донских казаков.

Святыня центра: казачий круг

Для того, чтобы понять причины сакрализации казаками *круга* — как собрания свободных и равных воинов и как места его проведения, чем был центр казачьего поселе-

ния (городка), нужно учитывать то обстоятельство, что мужчины, уходящие в казаки, воспроизводили в экстремальных условиях Дикого поля социальные структуры, противостоящие тем, что господствовали в то время (рубеж XVI–XVII вв.) в России. Казаки пытались выстроить здесь такую социальную модель, в которой не было неравенства, а были лишь братские узы свободных воинов. При этом они обращались к архаичным традициям, опирались на опыт древних воинских сообществ: русских дружин, евразийских мужских союзов. Война и воинский уклад были основой жизни казаков в ранний период их истории, и освоение территории Дикого поля (материальное и духовное) они осуществляли также на основе воинских мировоззренческих установок и практик [Рыблова, 2006]. Основой социальной организации казаков и главной постстаршей структурой был «круг» — собрание всех членов казачьего сообщества, которые на равных принимали участие в обсуждении всех сторон их жизни и выбирали себе предводителей и других должностных лиц (атаманов, старшин, писаря и пр.). При этом «круг» сакрализовывался казаками, был символом их вольницы и равенства всех членов братства.

В ранний период истории центром казачьих городков был *плац/майдан* (также называемый «кругом»), вокруг которого сооружались другие постройки. Он почитался как особое сакральное место, на время проведения собраний сюда выносились казачьи святыни: знамена, бунчуки, насеки и пр. Впоследствии в центре плаца/майдаана стали сооружать часовни или рядом — церкви. При этом источники указывают на возможную взаимозаменяемость святынь христианских и воинских: если на майдане не было часовни, то на время проведения круга ее могли заменять воинские регалии (знамена и хоругви); в то же время колокольня церкви могла использоваться в качестве дозорной вышки для наблюдения за неприятелем [Ознобишин, 1875].

Иногда в качестве святынь, усиливающих сакральную силу центра казачьего городка, использовались культовые предметы, связанные с народами, заселявшими Дикое поле до прихода туда казаков и нередко воспринимавшихся ими в качестве предков, например, половецкие каменные бабы. М. Харузин писал, что в станице Мариинской на плацу были установлены три каменных бабы; к одной из них привязывали «на показ» казаков, уличенных в воровстве [Харузин, 1885: 360]. В Миусском округе каменных баб называли «мамаями» и считали хранителями древних кладов [Крылов, 1883]. Сохранялась эта традиция и в более позднее время. Так, волгоградский краевед и писатель Б. Лащилин свидетельствовал, что на колокольне Сретенской церкви станицы Михайловской до 1920-х гг. хранились деревянные языческие идолы. По рассказам старожилов, они приплыли по Хопру вместе с полой водой: «Их часто прибывало к берегу. Казаки подбирали и несли к попам. А попы кропили болваны святой водой, молитвой отчитывали, чтобы они на станицу не кликали беды». По мнению писателя, «болваны» принадлежали жителям мордовского села Репное, обращенных в христианство [Лащилин, 1982: 3–5].

Для понимания глубинных причин сакрализации казаками центральной площади городка значимым является и народная этимология одного из ее названий — *майдан*. М. Фасмер связывал его с тюркским *maiden* — площадь [Фасмер, 1986: 559]. А вот А. Скальковский, описывавший быт запорожских казаков, указывал, что они соотно-

силы слово «майдан» также с курганами и потусторонним пространством: «Кому не известно то несметное количество курганов, которое народ украинский называет *могилами*, иногда *майда́нами*... Давно уже ищут значение слова курган... Один козак сказывал мне, что курган — слово русское, т. е. *круга́н*, испорченное в просторечии... происходит от своей круглой формы. Он именуется «могилою», когда цел, а майданом, площадью — когда «разроблен», вскопан в середине, вероятно, для пребывания в нем стражи или убежища гайдамак» [Скальковский, 1885: 113–114].

Как видно, в зафиксированных А. Скальковским народных представлениях майдан предстает как место раскрытой могилы, причем могилы воинской, так как, согласно казачьим преданиям, в курганах всегда хоронили воинов. Раскрытая могила семантически связана с потусторонним пространством, что, в свою очередь, соотносится с народным пониманием статуса воина как не просто маргинального, но именно «нечистого» и «магистически мертвого» [Михайлин, 2001].

В центре городка донские казаки ставили и дом станичного правления — *станичную избу*. В ней регулярно проходили братские пиры (*беседы*, *братчины*) с медоварениями, которые устраивались «на станичный кошт» (т. е. на общественный счет). В станичной избе хранился и общестаничный котел для приготовления меда (*медовухи*), который почитался как своеобразная святыня, так как был символом общей доли казачьего братства [Рыблова, 2006: 195–196]. Казачьи «беседы» имели обрядовый характер, совместное распитие меда сопровождалось исполнением сакральных текстов — былин (*ста́рин*). Согласно источникам XVIII в., поводом для общественного медоварения и бесед могли быть: престольный праздник, Масленица, день св. Николая Чудотворца, святых Петра и Павла, выход казаков на службу и их встреча, женитьба казака [Леонов, 1855]. Перечень ситуаций и праздников, когда в станичном правлении устраивались беседы-братчины, также отсылает к воинской традиции: в нем перечислены праздники, связанные с мужскими персонажами или важнейшими событиями жизненного цикла казака. Престольные праздники также оказались неслучайными в этом списке, так как церкви находились на попечении мужчин-казаков, которые были и главными организаторами этих праздников [Рыблова, 2016: 147–152].

Интересно, что при разделах станичных земельных владений именно станичная изба (как сакральный центр) была точкой отсчета межеваний, а сам принцип разграничения территории осуществлялся воинским способом: с применением оружия. Так, при разделе станичных владений внутри Черкаска (состоявшего из нескольких станиц) расстояние между станичными избами определялось выстрелом ружья [Статистическое описание, 1891: 52–53]. Показательно, что аналогию описанной традиции находим у воинственных монголов. Так, Г. де Рубрук, описывая монгольское поселение — орду, указывал, что главная ее черта — построение кибиток в виде параллельных линий, вытянутых с востока на запад, а расстояние между ними должно было равняться полету камня [Рубрук, 1957: 92].

Характерной особенностью освоения казаками донских земель было то обстоятельство, что практически все средневековые городки со временем были перенесены на новые места. Однако, имея статус сакральных мест («мест силы»), связанных к тому же не только с исторической памятью, но и с памятью об умерших или погибших предках,

они не могли не почитаться и в более позднее время. Практически в юрте¹ каждой станицы имелись (и имеются до сих пор) урочища, имеющие название Старый городок, к которым совершались крестные ходы в «поминальные дни», где на Масленицу устраивались не только поминальные трапезы, но и воинские тризны (с конно-спортивными состязаниями). Однако эта традиция сложится уже в период казачьей сословности. Что касается ранней казачьей истории, то, рассмотрев святыни центра, мы далее обратимся к характеристике периферийных святынь, к которым в первую очередь относились места погребения павших воинов.

Святые места периферии: курганы и деревья

К этой группе почитаемых мест относились древние курганы. Не исключено, что на Дону была распространена и традиция сооружения курганов на месте погребения известных воинов и атаманов, впрочем, сведения об этом имеют легендарный характер [Полевые записи автора, 1998]. Большинство больших курганов, столь характерных для южнорусских степей, использовалось казаками в военных целях и имело соответствующие названия (Становой курган, Маяк и др.). Однако с курганами были также связаны предания о казачьих кладах, положенных на определенное число мертвых голов (хранителей кладов), и тогда они уже почитались как особые сакральные места (Денежная гора, Золотые бугры и др.), соотносились с легендарными казачьими атаманами (прежде всего со Степаном Разиным). Донские курганы и другие возвышенности (бугры, горы, песчаные дюны — *кучугуры*) семантически близки камням, которые столь широко почитались на Русском Севере, с той лишь разницей, что почитаемые камни Севера и Северо-Запада имели очень широкий семантический контекст (были связаны с христианскими святыми, животными, «нечистыми» персонажами и пр.) [Виноградов, Громов, 2006], в то время как донские курганы и горы почитались казаками в связи с предками-воинами.

Донские предания сохранили упоминания о *голубца́х*², которые устанавливались на местах древних погребений. В старину они играли роль «моленных»; потом из них образовались часовни, строившиеся уже не только на кладбищах, но и в казачьих городках [В. Ч., 1887]. У донских казаков, судя по письменным источникам, имелись, помимо индивидуальных, и общинные голубцы, сооружавшиеся на местах братских могил. Здесь казаки-старики также устраивали *беседы* и поминальные тризны [Статистическое описание, 1891].

Широко почитались на Дону в ранний период казачьей истории и деревья. Нередко они использовались в качестве часовен, в их стволы были врублены иконы с ликами святых-мужчин [Тимощенко, 1906: 108]. Повсеместно бытовали поверья, что под большими отдельно стоящими деревьями зарыты клады, оставленные казаками или древними насельниками Дикого поля — *мамáями*, *махомэтами* [Миллер]. Под «святыми деревьями» нередко били источники воды, которые впоследствии превращали в «святые колодцы».

¹ Казачий юрт — низшее административно-территориальное образование донских казаков.

² Крыша на могильном или поклонном кресте, вообще — надгробный памятник со схематической кровлей или в форме избушки.

«Святые места» и их почитание в период казачьей сословности

В период казачьей сословности также продолжает сохраняться связь «святых мест» с такими локусами, как центр и периферия. Как и ранее, именно в центре казачьих станиц и хуторов располагались главные святыни: станичные избы и церкви. И те, и другие находились под особой опекой служилых казаков и станичного или хуторского правления. После каждого военного похода казаки делали пожертвования различных ценностей в церкви. А особый статус здания правления подкреплялся, в том числе, и нормами обычного казачьего права, запрещавшего, например, входить в него с шапкой на голове, сквернословить в его стенах и пр. Как и в ранней период казачьей истории, в более позднее время плац будет особым, сакральным местом для мужской части поселений, связанным с военными учениями, сходами, принятием присяги. Именно на плацу происходила и главная часть проводов казаков на службу/войну и встречи их по возвращении.

Что касается кладбищ, то в период казачьей сословности они также выделяются как особые места в пространстве поселений, однако в это время они стали в большей степени «женской территорией». Именно женщины-казачки ухаживали за могилами (в том числе и заброшенными), именно они стали главными организаторами коллективных посещений кладбищ в поминальные дни. В календарных рамках выделены дни, когда такие посещения устраивались только группами женщин (например, в Фомин понедельник). С учетом того, что в донской традиции группы служилых казаков были главными участниками практически всех праздничных мероприятий, это обстоятельство нуждается в особом осмыслении и разъяснении. По всей видимости, переход станичных и хуторских кладбищ под опеку женщин связан с тем, что в сословный период истории, когда традиционная семья (а не мужские сообщества) станет главной социальной ячейкой у казаков, кладбища будут восприниматься как места погребения не только (и не столько) воинов, сколько «предков», к числу которых относились и женщины, и другие категории жителей станиц и хуторов, не связанных с воинской службой.

Вместе с тем кладбища сохраняют особое место и в воинской обрядности. Нередко именно у кладбища будет проходить один из этапов проводов казаков на службу. Так, в станице Тишанской после домашнего застолья и благословения родственники и сами призывники отправлялись на гору, на которой располагалось станичное кладбище. Здесь продолжались гуляния с песнями и угощениями на расстеленных на земле скатертях. В это время призывники ходили на кладбище (расположенное на вершине горы), прощаться с умершими родственниками [Полевые записи автора, 2008]. В станицах Котовской и Тепикинской заключительное «гулянье» в обряде проводов казаков проходило на курганах: здесь накрывали столы, устраивали соревнования в стрельбе. Земля с кладбища вкладывалась и в ладанку уходящему на службу казаку.

В рамках обрядов проводов казаков на службу (или войну) и их встречи появлялись такие сакральные локусы, которые определялись в качестве «последнего рубежа», за который могли переступить только уходящие на службу казаки. Причем в обыденной жизни эта граница не соблюдалась, она приобретала роль символа только в контексте этих обрядов. Такими рубежами, например, были Бабий курган, Плакучий, Прощальный, Слезовой дуб, Веселая балка и пр. Возвращаясь из военного похода, казаки

также останавливались именно на этих рубежах и отсюда посылали гонцов в станицу, чтобы предупредить о своем приходе домой.

В то же время для служилых казаков по-прежнему остаются особо почитаемыми места древних захоронений павших в боях воинов. Как и ранее, почитаются старые городки. Именно к старым городкам, где были погребены предки-воины, станут совершать крестные ходы служилые казаки, на их местах сооружаются поклонные кресты и устраиваются воинские тризны с коллективным распитием вина и военно-спортивными состязаниями.

Как и в предшествующий период, в юртах казачьих поселений почитаются отдельно стоящие деревья (часто — с врубленными в них иконами), святые родники и колодцы. Все чаще их почитание основывается на христианских принципах. При этом начнут формироваться женские и мужские святыни. Так, наряду с «мужскими» колодцами и источниками почитаются «женские» — часто связанные с культом Параскевы Пятницы. К ним также совершаются регулярно крестные ходы с молениями. Многие святыни станут частью общестаничных култов, а к некоторым будут совершаться паломничества и из отдаленных населенных пунктов (особенно к тем, что были связаны с «явленными иконами»). В случае засухи у святых колодцев, деревьев, в священных рощах и у источников устраивали молебны и водосвятия.

Статус «святых мест» получают также те локусы в юртах казачьих поселений, которые становились постоянным обиталищем старых казаков, ушедших из семей и избравших особую участь — *келейников-отшельников*. Свои кельи они обычно располагали за пределами поселений, где жили уединенно, проводя время в молитвах. К ним приходили для чтения «сугубой молитвы» в тяжелых жизненных ситуациях. Сам путь к кельям, нередко значительно удаленным от поселений, воспринимался паломниками как некое духовное подвижничество. Чем дальше от дома уходил такой старец, тем выше был его статус. В юртах многих станиц будут выделяться места, именуемые: Кельи, Стариков кут, У монастыря и др. [Рыблова, 2019].

Заключение

В системе донских «святых мест» и их почитания наблюдается синтез двух основных мировоззренческих традиций: древних воинских и культа предков и христианских (православных и старообрядческих). Что касается пространственных характеристик, то в этой системе четко выделяются святыни центра и периферии. К числу первых относились «круг» и станичная изба, бывшие символами казачьей вольницы и равенства всех ее членов, отражавшие особенности военного уклада всей жизни казачьих братств.

В число периферийный входили сакральные локусы, воспринимавшиеся носителями традиции как каналы связи с тем светом и с умершими предками, а также с небесными христианскими покровителями. Такими каналами считались места прежних поселений станиц и городков, курганы, источники и деревья. Сакрализация естественных (природных) и искусственных (созданных человеком) «швов», выходов в «тот свет» — это, по сути, выстраивание структуры по вертикали, в результате чего налаживалась тесная (а главное — регламентированная) связь между живущими и умершими, представителями этого и того миров, в целом — духовная связь казачьих общин с сакраль-

ным миром. Характерным для ранней истории казаков было расположение христианских монастырей на окраинах освоенной ими территории и их связь со старыми, отошедшими от ратных дел казаками.

Особенностью системы «святых мест» на Дону была их связь прежде всего с мужчинами-казаками, причем, не только в ранний период их истории, но и впоследствии. Об этом свидетельствует и преобладание на стволах деревьев образа Николая Чудотворца (особо почитаемого мужской частью донского сообщества), и состав участников шествий к старым городкам, активная роль станичных или хуторских атаманов в их организации.

В тот период развития казачества, когда оно стало сословием в рамках сословной системы российской империи, перешло к общинности и «семейственности», значительно расширилась и система почитаемых «святых мест». Наряду с прежними, унаследованными от предыдущего периода мужских военизированных сообществ (такими как плац-круг, дом станичного правления, курганы и могилы воинов), стали почитаться и другие: кладбища, церкви, колодцы и источники. Кроме того, прежние святыни нашли свое место в расширившейся казачьей обрядности, а также включили в себя женские почитаемые места. «Святые места» на Дону связывались уже не только с предками и с воинской славой, но и христианскими святыми-покровителями, со всеми умершими («предками»), а потому непременно включались в структуру важнейших общинных праздников. Роль женщин в почитании «святых мест» все более усиливалась.

Благодарности

Статья написана в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2021 г. 0198–2021–0016 № гр. АААА-А20–120122990111–9.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- В. Ч. К истории искусств на Дону // Донская речь. 1887. № 44.
- Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топика святынь. СПб. : Автономная некоммерческая организация «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», 2019. 432 с.
- Виноградов В. В., Громов Д. В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143.
- Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М. : ОГИ, 2009. 512 с.
- Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 526 с.
- Крылов А. Сведения о каменных бабах, находящихся в различных местах Донской области // Казачий вестник. 1883. № 53.
- Лащилин Б. Это было: Легенды и были. Волгоград : Нижне-Волжское книжное изд-во, 1982. 95 с.
- Леонов А. О донских пословицах и поговорках // Донские войсковые ведомости. 1855. № 15.

Миллер А. А. «Циво аны говорюють...». Эюд (Образцы народного говора, записанные о время раскопок курганного могильника у ст. Елизаветовской в 1912–1914 гг.) // Архив Русского географического общества. Оп. 1. Д. 15.

Михайлин В. Ю. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и современной культурных традициях // НЛЮ. 2001. № 47. С. 278–320.

Мороз А. Б. Святые Русского Севера. М. : ОГИ, 2009. 528 с.

Ознобишин Е. Цимлянская станица // Донские областные ведомости. 1875. № 10.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.

Платонов Е. В. Почитаемые камни в православной традиции на северо-западе России // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 130–144.

Полевые записи автора 1998 г. в станице Котовской Урюпинского р-на Волгоградской обл.

Полевые записи автора 2008 г. в станице Тишанская Нехаевского р-на Волгоградской области. Информант Ежов Л. И., 1932 г. р.

Пудавов В. Монастырское урочище на Дону // Донские областные ведомости. 1853. № 2.

Ригельман А. И. История, или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какия их были дела и чем прославились и пр. : Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М. : Университетская типография, 1846. 165 с.

Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны // Карпини Плано Д. дель, Рубрук Г. де. История монгалов. М. : АН СССР, 1957. С. 87–194.

Рыблова М. А. Донские братства: Казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX в. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. 542 с.

Рыблова М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174.

Рыблова М. А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. 242 с.

Рыблова М. А. Календарные праздники донских казаков. 2-е изд., испр. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2016. 168 с.

Рыблова М. А. Отшельники-келейники в социокультурном пространстве поселений донских казаков // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) : материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.). Ростов-на-Дону : Альтаир, 2019. С. 170–178.

Скальковский А. Как судили и рядили в Сечи Запорожской // Киевская старина. 1886. Т. XIV. С. 604–621.

Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах В. Д. Сухоруковым. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип, 1891. 300 с.

Тимощенко И. Станица Нижне-Чирская. Статистико-экономический очерк // Сборник областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1906. Вып. VI. С. 100–110.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. М. : Типогр. М. П. Щепкина, 1885. 388 с.

Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. Вып. 5 / ред.-сост. Т. А. Бернштам. СПб. : МАЭ РАН; РФФИ, 1995. С. 110–176.

REFERENCES

V. CH. K istorii iskusstv na Donu [To the history of arts on the Don. *Donskaya rech'* [Don speech]. 1887. № 44 (in Russian).

Vinogradov V. V. Severorusskiye pochitayemyye mesta: topika svyatyn' [North Russian revered places: a topic of shrines]. Saint. Petersburg.: Autonomous non-profit organization «Propp Center: Humanitarian Research in the Field of Traditional Culture», 2019. 432 s. (in Russian).

Vinogradov V. V., Gromov D. V. Predstavleniya o kamnyakh-valunakh v traditsionnoy kul'ture russkikh [Representations of boulder stones in the traditional culture of Russians] *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2006. № 6. S. 125–143 (in Russian).

Ivanova A. A., Kalutskov V. N., Fadeyeva L. V. Svyatyye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya (materialy i kommentarii) [Holy places in the cultural landscape of Pinega (materials and comments)]. Moscow.: OGI, 2009. 512 s. (in Russian).

Kartiny bylogo Tikhogo Dona. Kratkiy ocherk istorii Voyska Donskogo dlya chteniya v sem'ye, shkole i voyskovykh chastyakh [Pictures of the former Quiet Don. A short sketch of the history of the Don Army for reading in the family, school and military units]. Saint Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Partnership, 1909. 526 s. (in Russian).

Krylov A. Svedeniya o kamennykh babakh, nakhodyashchikhsya v razlichnykh mestakh Donskoy oblasti [Information about stone women located in various places of the Don region] *Kazachiy vestnik* [Cossack Bulletin]. 1883. N 53 (in Russian).

Lashchilin B. Eto bylo: Legendy i byli. Volgograd: Nizhne-Volzhsky book publishing house, 1982. 95 s. (in Russian).

Leonov A. O donsikh poslovitsakh i pogovorkakh [About the Don proverbs and sayings]. *Donskiye voyskovyye vedomosti* [Donskoe army vedomosti]. 1855. № 15 (in Russian).

Miller A. A. “Tsivo any govoryut”...”. Etyud (Obraztsy narodnogo govora, zapisannyye o vremya raskopok kurgannogo mogil'nika u stanitsy Yelizavetovskoy v 1912–1914 gg.) [“Tsivo any say ...”. Etude (Samples of a folk dialect recorded during the excavation of a burial mound near the village of Elizavetovskaya in 1912–1914)]. *Arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Archive of the Russian Geographical Society]. Op. 1. D. 15 (in Russian).

Mikhaylin V. YU. Mezhdv volkom i sobakoy: geroicheskiy diskurs v rannesrednevekovoy i sovremennoy kul'turnykh traditsiyakh [Between a wolf and a dog: heroic discourse in the early medieval and modern cultural traditions] *New literary review*. 2001. No. 47. S. 278–320 (in Russian).

Moroz A. B. Svyatyye Russkogo Severa [Saints of the Russian North]. Moscow: OGI, 2009. 528 s. (in Russian).

Oznobishin Ye. *Tsimlyanskaya stanitsa* [Tsimlyanskaya stanitsa] *Donskiye oblastnyye vedomosti* [Don regional vedomosti]. 1875. N 10. (in Russian).

Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskiye svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. Saint. Petersburg.: Aleteyya, 1998. 306 s. (in Russian).

Platonov Ye. V. *Pochitayemye kamni v pravoslavnoy traditsii na severo-zapade Rossii* [Revered stones in the Orthodox tradition in the north-west of Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2011. № 3. S. 130–144.

Polevyey zapisi avtora 1998 g. v st-tse Kotovskoy Uryupinskogo r-na Volgogradskoy obl [Field records of the author in 1998 in the Kotovskaya station of the Uryupinsky district of the Volgograd region] (in Russian).

Polevyey zapisi avtora 2008 g. v stanitse Tishanskaya Nekhayevskogo r-na Volgogradskoy oblasti. Informant Yezhov L. I., 1932 g. (in Russian).

Pudavov V. *Monastyrskoye urochishche na Donu* [Monastic tract on the Don]. *Donskiye oblastnyye vedomosti* [Don regional vedomosti]. 1853. N 2 (in Russian).

Rigel'man A. I. *Istoriya, ili povestvovaniye o donskikh kazakakh, otkol' i kogda oni nachalo svoje imeyut, i v kakoye vremya i iz kakikh lyudey na Donu poselilis', kakiya ikh byli dela i chem proslavilis' i pr.: Chteniya v Imperatorskom obshestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [The story, or the narrative about the Don Cossacks, was gone, and when they began to have their own, and at what time and from what people they settled on the Don, what were their deeds and how they became famous, etc.: Readings in the Imperial Society of Russian history and antiquities]. Moscow: University Printing House, 1846, 165 s. (in Russian).

Rubruk G. de. *Puteshestviye v vostochnyye strany* [Journey to Eastern Countries] Karpini Plano D. del', Rubruk G. de. *Istoriya mongalov* [History of the Mongols]. Moscow: AN SSSR, 1957, S. 87–194 (in Russian).

Ryblova M. A. *Donskiye bratstvo: Kazach'i soobshchestva na Donu v XVI — pervoy treti XIX v.* [Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th — first third of the 19th century]. Volgograd: VolGU Publishing House, 2006. 542 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Donskoye kazachestvo: k voprosu ob "istokakh" i sotsiokul'turnykh transformatsiyakh* [Don Cossacks: on the issue of "origins" and socio-cultural transformations] *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2010. № 6. S. 158–174 (in Russian).

Ryblova M. A. *Traditsionnyye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov* [Traditional settlements and dwellings of the Don Cossacks]. Volgograd: VolGU Publishing House, 2002. 242 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Kalendarnyye prazdniki donskikh kazakov* [Calendar holidays of the Don Cossacks]. 2-ye izd., ispr. Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2016. 168 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Otshel'niki-keleyniki v sotsiokul'turnom prostranstve poseleniy donskikh kazakov* [Hermits-cellists in the socio-cultural space of the settlements of the Don Cossacks]. *Nauchnoye naslediyе professora A. P. Pronshteyna i aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo): Materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 22–23 marta 2019 g.)*. [Scientific heritage of professor A. P. Pronshtein and topical

problems of historical science (to the 100th anniversary of the birth of an outstanding Russian scientist): Materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Rostov-on-Don, March 22–23, 2019)]. Rostov-on-Don: Altair, 2019. S. 170–178 (in Russian).

Skal'kovskiy A. Kak sudili i ryadili v Sechi Zaporozhskoy [How they tried and dressed in the Zaporizhzhya Sich]. *Kiyevskaya starina* [Kiev antiquity]. 1886. T. XIV. S. 604–621 (in Russian).

Statisticheskoye opisaniye Zemli donskikh kazakov, sostavlennoye v 1822–32 godakh V.D. Sukhorukovym [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–32 by V.D. Sukhorukov]. Novochoerkassk: Region troops Don. type, 1891. 300 s. (in Russian).

Timoshchenkov I. Stanitsa Nizhne-Chirskaya. Statistiko-ekonomicheskii ocherk [The village of Nizhne-Chirskaya. Statistical and economic essay]. *Sbornik Oblastnogo Voyska Donskogo Statisticheskogo Komiteta* [Collection of the Regional Troops of the Don Statistical Committee]. Novochoerkassk, 1906. Vyp. VI. S. 100–110 (in Russian).

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress, 1986. T. 2. 672 s. (in Russian).

Kharuzin M. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu [Information about the Cossack communities on the Don]. M.: Printing house M. P. Shchepkina, 1885. 388 s. (in Russian).

Shchepanskaya T. B. Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoyeniya prostranstva) [Crisis network (traditions of spiritual space exploration)]. *Russkiy Sever*. *K probleme lokal'nykh grupp* [Russian North. On the problem of local groups]. Issue 5 St. Petersburg: MAE RAS; RFBR, 1995. S. 110–176 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 01.06.2021

Принята к публикации 26.08.2021

Дата публикации 30.11.2021